

Полисемичные уголовно-правовые термины и стабильность следственно-судебной практики

Polysemic criminal law categories and stability of law enforcement practice

Сафонов В.Н.

Канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург); доцент кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург
e-mail: svn205@gmail.com

Safonov V.N.

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law, North-Western branch of the Russian State University of Justice; Associate Professor, Department of Public Law, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg
e-mail: svn205@gmail.com

Аннотация

Рассматривается проблема полисемичных уголовно-правовых терминов, к которым относятся одинаково звучащие термины, относящиеся к разным понятиям. В одном случае они характеризуют действие, процесс, в другом – результат действия. Недооценка многозначных терминов объясняет разнонаправленность правоприменительной, главным образом, квалификационной деятельности.

Различное понимание обозначенных терминов в контексте определения стадий совершения преступления и оценки общественной опасности деяний не соответствует конституционным и отраслевым принципам, квалификационным правилам и стабильности закона, а потому делается вывод о необходимости унификации практики применения полисемичных терминов.

В выводах резюмируется: правовые принципы, квалификационные правила и соображения стабильности уголовного закона диктуют необходимость решения вопроса о моменте окончания преступлений с полисемиями как минимум на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: вовлечение, организация, склонение, полисемия, термин, язык закона.

Abstract

The problem of polysemic criminal law terms, which include the same sounding terms related to different concepts, is considered. In one case, they characterize the action, the process, in the other – the result of the action. Underestimation of ambiguous terms explains the divergence of law enforcement, mainly qualification activities. The different understanding of the designated terms in the context of determining the stages of committing a crime and assessing the public danger of acts does not correspond to constitutional and sectoral principles, quality rules and the stability of the law, and therefore it is concluded that it is necessary to unify the practice of using polysemic terms. The conclusions summarize: legal principles, qualification rules and considerations of the stabil-

ity of the criminal law dictate the need to resolve the issue of the moment of the end of crimes with polysemy at least at the level of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: involvement, organization, declension, polysemy, term, language of the law.

Юридическая текстология не только не утрачивает своей актуальности в криминалистической науке и практике вот уже более ста лет, но прибавляет в активности научной дискуссии, планке научных исследований, в том числе уровня кандидатских [21] и докторских диссертаций [22]. В наши дни, когда диспозиции норм УК РФ нередко содержат казуистические бланкетные отсылки, сложные технические термины, неопределённые понятия, проблема языка закона и юридической техники становится всё более актуальной.

В 1917 г. в Петрограде вышла монография известного русского, а затем и советского юриста, д-ра юрид. наук, криминолога и криминалиста П.И. Люблинского «Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса», в которой исследователь представил развернутое учение о юридической технике закона [17]. Если говорить обобщённо, учёный выводил следующие признаки уголовно-правового закона как текста: точность выражений, простота, ясность [17, с. 2-9]. Впрочем, наряду с требованием простоты и ясности называется и качество выразительности юридического языка: «Выразительным является язык, не употребляющий слишком абстрактных понятий и стремящийся пользоваться меткими, общенародными словами и выражениями» [17, с.10]. В определенном смысле речь идет о принципах юридической терминологии. Под терминологией принято называть совокупность, систему терминов, употребляемых в какой-либо области знания, искусства, общественной жизни [4, с. 1318].

Разделяя систему юридических терминов на три группы: «1) обыденные, 2) технические, 3) искусственные» [17, с.5-18], П.И. Люблинский давал следующие рекомендации: «...если употребленный обыденный термин имеет в народном языке различные значения, то, поскольку можно опасаться смешения их, законодатель должен объявить, какое из нескольких значений он усваивает себе (для этого он должен, употребляя этот термин в первый раз, указать описательно содержание, придаваемое ему)» [17, с.50-54].

По прошествии 25 лет действия нового УК РФ вопрос о языке и юридической технике уголовного закона стоит весьма остро. Так, Л. Гаухман и М. Журавлёв, обсуждая юридико-технические проблемы УК РФ 1996 г., среди таковых называют и использование в Кодексе терминов и понятий, содержание и границы которых не определены законодателем [7, с.40-47].

По мнению И.Я. Козаченко, «существуют два языковых слоя закона. Первый образует научные понятия и категории, в основе второго языкового слоя лежат понятия и категории права, отличающиеся большей стабильностью, нежели понятия в юридической науке, ибо они неизменны, пока действуют законы, но они неизбежно должны быть результатом научного познания» [13, с.109-116].

П.С. Яни, полемизируя с П.И. Люблинским по ряду вопросов толкования уголовного закона, замечает, что «точность выражений, простота и ясность в свою очередь констатация особой сложности толкования в процессе правоприменения приводит исследователей к выводу о том, что интерпретационная работа возможна лишь при условии достаточного уровня профессиональных знаний» [32, с.66]. Но это, что называется, профессиональная сторона проблемы. Немаловажным и дискуссионным является содержательно-лингвистический аспект толкования закона. Например (используя при этом синонимичный термин «интерпретация закона»), П.С. Яни заключает, что этот процесс «в самом общем виде являет

собой, условно говоря, перевод с юридического языка на быденный с целью последующего сопоставления в сознании правоприменителя тождества (или отсутствия такового) между описанием казуса и тем результатом перевода текста, в котором заключено содержание правовой нормы» [32, с.63]. Говоря о терминологии уголовного права и «терминологических слоях», этот ученый делает вывод, что «...в законодательстве мы сталкиваемся только с такими терминами, которые могут быть названы специальными юридическими. Эти термины действительно можно разделить (хотя довольно условно) на две основные категории, где к первой относятся собственно специальные (т.е. практически не имеющие аналога в быденной лексике), а ко второй – псевдообщепотребительные» [32, с.66]. И далее его же вывод, имеющий значение для проблемы однозначности терминов: «Степень отличия такого термина от его лексического аналога (омонима) может быть различной. Однако так или иначе это отличие проявляется» [32, с.66].

Последнее замечание для нас представляется важным в ситуации многозначности юридической терминологии на примере полисемичных уголовно-правовых терминов.

В научной литературе утверждается, что лингвистический аспект присутствует во всех видах толкования, поэтому ему присваивается некоторый приоритет. В частности, в кандидатской диссертации, посвящённой исследованию лингвистических оснований толкования уголовного закона и квалификации преступлений, Н.Л. Радаева приходит к выводу о том, что «уголовно-правовая терминология составляет основу нормативной информации, которая содержится в уголовном законе. Подобная роль термина в тексте уголовного закона предопределена особой значимостью точности границ уголовно-правового запрета» [21, с.10].

Традиционно в криминалистической доктрине, посвященной юридикотехнической тематике, к наиболее актуальным проблемам заслуженно относят оценочные термины, которые выступают конструктивными признаками тех или иных составов преступлений. Другая - диспозиции Особенной части Уголовного Кодекса РФ с административной преюдицией. В этом отношении полисемичные уголовно-правовые термины не удостоились подобного научного интереса. И это несмотря на противоречивость их трактовки правоприменительной практикой, увеличение числа норм, диспозиции которых содержат многозначные категории, сохранившиеся полярные взгляды исследователей на понимание признаков составов преступлений с полисемичной природой.

Чтобы понять природу полисемичных уголовно-правовых терминов, уместно обратиться к исследованию этого феномена в лингвистике. Большинство ученых полисемией называют употребление одного и того же слова в нескольких связанных между собой значениях [8, с.48; 20, с.39; 29, с.97-102]. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова трактует полисемию как наличие у одного слова нескольких связанных по смыслу значений; многозначность [4, с.901]. В этом же словаре слова «полисемантический» и «полисемантический» трактуются также как имеющий много значений. В специальной лексике случаи многозначности принято именовать именно полисемией.

В терминоведении известны требования, предъявляемые к «идеальному термину», который принято связывать с однозначностью, определенностью, нормативностью. Проблема более или менее удачного ориентира на «идеальный термин» объясняется так называемой конвенциональностью термина, когда его содержание во многом «покоится на чисто целесообразном соглашении ученых» [30, с.217]. В этой области знаний значительное внимание уделяется всестороннему исследованию самой категории «термин». Основатель отечественной школы специальной лексики Д.С. Лотте считал многозначность и синонимию наиболее

существенными недостатками терминов, называя многозначностью те случаи, когда термин имеет более двух значений [16, с.8]. Выводы Д.С. Лотте находят поддержку в исследованиях других лингвистов. Большинство авторов утверждают, что полисемией следует называть употребление одного и того же слова в нескольких связанных между собой значениях [29, с.97-102; 20; 26]. Обобщая результаты влияния полисемий в различных сферах знания, исследователи резюмируют: наличие значительного числа этих терминов как в гуманитарных, так и в естественных науках становится причиной затруднения профессиональной коммуникации [29]. Всё это объясняет активное развитие в науке терминоведения отраслевых направлений, например, юридическое [2; 15, с. 300-314; 6, с.137-139], медицинское [31, с. 42-44].

Учитывая небеспредельные возможности русского языка, А.И. Бойко приходит к следующим выводам: «Уже сегодня юридический тезаурус составляет одну треть национальной лексики (60 000 слов); это значит, что наша специализация и наш профессионализм поставлены под сомнение; это значит, что нужно искать внутренние резервы уже освоенной терминологии; возвышаться до очередных интеллектуальных обобщений и речевых абстракций» [3, с.115,]. В том же монографическом исследовании А.И. Бойко не единожды высказывается относительно роли полисемии в уголовно-правовой терминологии. В частности, он замечает, что в зарубежной лексике, в том числе и в правовой, полисемия более распространена. Он же заключает: «Социальное назначение и имманентные свойства права понуждают нас согласиться с неизбежностью отступления законодателя от некоего идеального способа описания преступлений и правил их преследования, предлагаемого в науке (отсутствие в УК синонимии и вообще полисемии, архаизмов и тропов, метонимии и неологизмов, просторечий и т.д.)» [3, с.115].

С последним выводом А.И. Бойко солидарна М.Б. Кострова: «...строгое следование правилам законодательной техники не всегда возможно и целесообразно... не является дефектом формы уголовного закона и объясняется как раз обратным – высокой степенью совершенства отечественной законодательной техники» [14, с.64-67].

Д.С. Лотте выделяет два типа многозначности – когда термин относится к понятиям, не имеющим между собой смысловой связи или находящимся по отношению друг к другу в отдаленном родстве; – когда в рамках одного многозначного термина объединены относительно близкие понятия [16, с.8-10]. Последнее характерно для уголовно-правовой материи.

Лингвист А.С. Трифионов, исследовав феномен многозначности (полисемии) термина, заключает: «В профессиональном дискурсе полисемия представляет собой следствие развития значения, что дает основание считать ее функциональной» [29].

Отечественные и зарубежные лингвисты пришли к принципиальному выводу о том, что «стремление к однозначности является естественным лишь на начальном этапе существования понятия. Следующий же этап – стремление к более глубокому пониманию понятия и обнаружение механизмов для более детального исследования значения – с большой степенью вероятности приводит к полисемизации термина. Таким образом, полисемия может рассматриваться как конечный этап развития значения» [29] (курсив мой – В.С.).

Лингвисты и юристы, занимающиеся проблематикой техники и языка закона, убедительны в том выводе, что полисемичность сложно избежать в условиях диссонанса объема терминов и преобладающего числа проявлений того или иного явления, куда относятся и преступления.

Полисемия отражает динамику развития понятия и конечное звучание термина. Но есть еще два немаловажных фактора: образование термина и соответствие его ряду требований. И.Я. Козаченко выводит три направления образования уголовно-правового термина: использование устоявшихся, апробированных практикой применения правовых терминов других отраслей юридической науки и правовой системы; заимствование уголовным правом терминов из терминологии неправовых дисциплин; помощь общеупотребительных слов, приобретающих статус уголовно-правового термина после их правового переосмысления [13, с.109-113].

Основные требования к термину принято делить на три группы: требования к форме термина, семантические и прагматические [9, с. 30-31].

Оставление без внимания многозначности ряда уголовно-правовых терминов отражается на стабильности следственно-судебной практики, которая в этом случае развивается по прецедентным началам. Отсутствие системного понимания и учета полисемичной природы ряда терминов, когда они выступают конструктивными признаками составов преступлений, побуждает Верховный Суд РФ прибегать к «ручному управлению» квалификации преступлений. Далее попробуем показать это на примерах, но для начала обратимся к генезису уголовно-правовых терминов полисемантической природы. Принципиально важной является идея С.С. Тихоновой и В.Ф. Головановой о том, что сюда следует отнести наличие в предложениях отвлеченно-обобщенных грамматических конструкций, позволяющих акцентировать внимание адресата нормативно-правовых предписаний на определенном действии в отвлечении от его субъекта, т.е. свидетельствующих о распространяемости данных предписаний на неопределенный круг лиц. К соответствующим конструкциям относятся: – отглагольные существительные (например, «выполнение», «отбывание», «осуществление», «предупреждение», «причинение») [28, с. 207-212].

Доктор филологических наук З.К. Тарланов, обсуждая удачность правовых конструкций на примере термина «поставление в опасность» (ст.125 УК РФ), также акцентирует внимание на отглагольных словах с отвлеченным значением, образованных по типу существительных от форм совершенного и несовершенного видов глагола оставить, оставлять [27, с. 101-107].

Не претендуя на полный список, применительно к тексту УК РФ наиболее актуально говорить о терминах, имеющих полисемичную природу: «вовлечение», «склонение», «понууждение», «принуждение», «организация», «создание», «поставление», «оставление», «понууждение», «принуждение», «уклонение», «вербовка», «воздействие», «сбыт», «охота», «добыча». Все они являются конструктивными признаками соответствующих составов преступлений.

К полисемичным терминам, вызвавшим наиболее острую дискуссию и противоречивую следственно-судебную практику, на мой взгляд, относятся: организация банды (ст.77 УК РСФСР), создание вооруженной организованной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации (ст.209 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст.150 УК РФ), сбыт в ст.228.1 УК РФ и ряд других. Несложно заметить, что некоторые из них – с историей (организация банды по УК РСФСР; вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по УК РСФСР и РФ), другие – «новички»: вербовка в составе торговли людьми в ст.127.1 УК РФ (норма введена в УК Федеральным законом от 08 декабря 2003 г. №162-ФЗ); организация экстремистского сообщества (ст.281.1), организация деятельности экстремистского сообщества (ст.282.2).

Неоднозначность толкования и противоречивость применения норм УК РФ с полисемичными терминами объясняется вариативностью роли, которую играет термин в конкретной норме. Например, оказалась изменчивой трактовка терминов

«организация банды» в составе бандитизма (ст. 77 УК РСФСР), «создание банды (ст.209 УК РФ), «вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность» и «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» (соответственно, ст.210 УК РСФСР, ст. 150 УК РФ).

Так, авторы учебника по Особенной части уголовного права (1973 г.) – ученые и преподаватели ВШ МВД СССР под организацией банды понимали объединение усилий членов вооруженной группы, подбор участников, оружия, выработка плана нападений и др. [23, с. 91]. Организация вооруженной банды считалась оконченной независимо от последствий, в том числе нападений. И тем не менее неопределенность понимания момента окончания организации бандитизма сохранялась, поскольку могла трактоваться двояко: а) как начало действий по организации банды; б) создание банды как результат организационных действий.

В учебнике по Особенной части уголовного права 1975 г., подготовленном учеными и преподавателями кафедры уголовного права МГУ, повторялась та же мысль о понимании объективной стороны и момента окончания организации банды. Возможно, понимая многозначность этого термина, без какого-либо доктринального объяснения, авторами учебника сделана отсылка к практике ВС СССР, который в определении по делу А. и Ю. разъяснял, что «нападение на сотрудника милиции с целью завладения оружием для дальнейшего использования при нападении на граждан и организации содержит признаки бандитизма» [24, с. 60-61], «поскольку статья о бандитизме предусматривает ответственность не только за участие в банде, но и за самый процесс организации вооруженных банд» [25].

Спорность толкования термина «создание банды» как вида состава бандитизма в новом УК РФ преодолена постановлением №1 от 17.01.1997 г. "О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм". В п.7 постановления создание банды связывается с результатом организационной деятельности: «...образование организованной устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан либо организации. Они могут выражаться в сговоре, приискании соучастников, финансировании, приобретении оружия и т.п.» [19].

Схожая правоприменительная трансформация произошла и с другим полисемичным термином «вовлечение» в составах вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность (ст.ст.210 УК РСФСР) и вовлечения в совершение преступления (150 УК РФ). Верховный Суд СССР в семи постановлениях, принятых с 1963 по 1976 г. г., в которых в том или ином объеме регламентировались вопросы ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, не трактовал это понятие. Пленум ВС РСФСР в постановлении от 26 мая 1965 г. «О судебной практике о вовлечении несовершеннолетних преступную или антиобщественную деятельность» разъяснял содержание объективной стороны, специально не останавливаясь на трактовке момента окончания преступления, однако контекст был понятен: деяние следовало считать оконченным с начала совершения действий по вовлечению в эти преступления.

В постановлении ПВС РФ от 25.12.1990 N 5 (ред. от 25.10.1996) "О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность" не давалась трактовка момента окончания преступлений по вовлечению несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность.

В п. 8 ПП ВС РФ от 14.02.2000 N 7 "О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних" указывалось, что преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления либо антиобщественных действий независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий.

Напротив, в п. 42 ПП ВС РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 28.10.2021) "О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних", высший орган страны момент окончания деяний, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ, связывал с совершением несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или с совершением хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК РФ. Ненаступление указанных в диспозициях этих норм последствий рекомендовано квалифицировать по ч. 3 ст. 30 УК РФ и по ст. 150 УК РФ либо по ст. 151 УК РФ.

Характерно, что в научных работах по уголовному праву помимо названных двух точек зрения, которых придерживался или придерживается ВС РФ, предлагается и третья: ряд исследователей окончание вовлечения в преступление (ст. 150 УК РФ), связывают с моментом, «когда у несовершеннолетнего возникает желание совершить активные противоправные действия, пусть даже и не реализованные» [11, с. 89-97], или когда об этом свидетельствует «появление у несовершеннолетнего умысла на совершение преступления» [5, с. 33-35]. В этом контексте несколько удивляет оставление без внимания авторами научных работ, посвященных исследованию правовых норм с полисемичными терминами, вопроса о моменте окончания деяния. Так, А.А. Дворников, рассматривая вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетних в несанкционированные митинги, раскрывает содержание вовлечения несовершеннолетних в упомянутые действия, но вопрос о моменте окончания деяния не затрагивает [10, с. 20-31].

Таким образом, на протяжении действия УК РСФСР и УК РФ практика понимания момента окончания деяния по вовлечению несовершеннолетних в преступление или антиобщественную деятельность менялась.

Не может не обращать на себя внимание общая тенденция правоприменительной практики. Думается, что многозначность рассматриваемых терминов в отсутствие их аутентичной дефиниции в силу частного проявления принципа презумпции невиновности (ч.3 ст. 49 Конституции РФ) в конкретных ситуациях привела к тому, что понимание момента окончания преступлений, связанных с организацией (созданием) банды и вовлечением несовершеннолетних в совершение преступления сместилось и стало связываться не с началом таких действий, а с их объективными результатами. Заметно и другое: к последним выводам о понимании момента организации (создании) банды, вовлечения в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий, ВС РФ пришел в результате достаточно длительной, противоречивой и даже разнонаправленной практики, первоначально складывавшейся при рассмотрении конкретных уголовных дел, а в дальнейшем воспринятой соответствующими постановлениями Пленума Верховного Суда. Однако такого внимания удостоены не все полисемичные термины, выступающие в качестве признаков отдельных составов преступлений. Объясняется это разными обстоятельствами: новизной правовой нормы, меньшей распространенностью деяний, дефицитом доктринального внимания и др.

В последние годы заметно активизировалась научная дискуссия относительно преступлений в сфере спорта. Сама проблема спортивного и околоспортивного противостояния относительно целого ряда вопросов в спорте приобретает принципиальное значение внутри страны и за ее пределами. Однако до сих пор не нашел своего разрешения вопрос о моменте окончания склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте. И в специальных работах этот вопрос разрешается в самых общих фразах, не позволяющих увидеть определенность мнения авторов [1, с. 70-79].

Даже с учетом принятия ВС РФ постановлений по определенным категориям уголовных дел вряд ли можно сказать, что сняты вопросы по применению

ряда полисемичных терминов, например, «вербовка» в ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми), в других составах – «склонение», «принуждение», «поставление», «попущение», «сбыт».

Напомним, что понимание момента окончания деяния, определение которого сопряжено с полисемичным термином, имеет значение и в плоскости назначения наказания. В случае, если момент окончания такого деяния связывается с результатом действия, который не наступил по обстоятельствам, не зависящим от воли деятеля, то речь должна идти о покушении на преступление, что в соответствии с положениями ст.66 УК РФ влечет меньшее наказание.

Предвидя возможные возражения относительно критики практики законодательного закрепления, понимания и применения полисемичных терминов, возражу: есть ведь и явно положительный опыт языка закона и юридической техники. Так, ст.282 УК РФ в названии содержит полисемичный термин «возбуждение ненависти или вражды», однако в тексте диспозиции законодатель учитывает многозначность этого признака состава преступления и уместно раскрывает его через слова «действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды». Вопрос о моменте окончания деяния отпадает сам собой.

Не вызывает сложностей и понимание момента окончания склонения к совершению самоубийства (ч.1 ст.110.1 УК), сконструированного с формальным составом. Это легко угадывается при обращении к части четвертой той же статьи с особо квалифицированным материальным составом (склонение к самоубийству, повлекшее самоубийство или покушение на самоубийство).

И.Я. Козаченко, размышляя о факторах высокого стандарта языка закона и законодательной техники, резюмировал: «...законодатель должен помнить, что язык — это душа и совесть любого, а тем более уголовного закона, отражающие лучшие традиции российского общества, во все века прославляющие наше родное Отечество» [13, с. 109-116]. Не исключение здесь и практика использования полисемичных терминов, раз уж они могут восприниматься по-разному субъектами правоприменения и столь же по-разному определять квалификацию деяния и размер наказания.

Рассмотрение проблематики полисемий в уголовно-правовом дискурсе приводит автора к следующим выводам.

1. Уголовно-правовые полисемичные термины, как конечный этап развития значения, есть лингвистически объяснимый элемент языка уголовного закона, не свидетельствующий об исчерпании возможностей последнего.

2. Семантические особенности таких терминов определяют их различные роли в конкретных составах преступлений (само деяние или его результат), различия в правовой оценке с позиции стадий совершения преступления, а также, что немаловажно, в наказании.

3. В силу частного проявления принципа презумпции невиновности момент окончания преступлений, составы которых содержат многозначные признаки объективной стороны, должен связываться с результатом действий (например, совершение вовлеченным в преступление несовершеннолетним каких-либо действий в ч. 1 ст. 150 УК РФ), за исключением случаев, когда системное толкование нормы с очевидностью не свидетельствует об обратном (например, системное толкование частей 1 и 4 ст.110.1 УК РФ говорит о формальном составе простого склонения в ч.1 ст.110.1 УК).

4. Удачная практика криминализации деяний с полисемиями в диспозициях норм не ограничивается лишь наличием самого термина (как в большинстве случаев в действующем УК РФ), а раскрывает его содержание хотя бы в общем виде (например, возбуждение ненависти или вражды в ст. 282 УК РФ описывается через действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды).

5. Отсутствие единого подхода к пониманию природы и особенностей уголовно-правовых терминов с полисемичной природой приводит к нестабильности и противоречивости следственно-судебной практики, которая в этом случае складывается противоречиво, на прецедентных началах. В этой связи представляется оправданным принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления, в котором давались бы рекомендации о квалификации деяний с многозначными признаками. Восполнение «дефицита» толкования полисемичных терминов возможно и путем внесения дополнений или разъяснений в действующие постановления ВС РФ по тем или иным видам преступлений.

Список литературы

1. Берестовой А. Н., Цветков П. В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3(95). – С. 70-79.
2. Бойко А. И. Язык уголовного закона и его понимание: учебно-научное издание. – Ростов н/д: изд-во СКАГС, 2009. – 308 с.
3. Бойко А. А. Язык уголовного закона и его понимание: монография. М.: Изд-во «Ирлитинформ», 2010. – 320 с.
4. Большой толковый словарь русского языка/ Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2004. – 1534 с.
5. Виденькина Ж. В., Шерстнева И. Ф. Вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Образование. Наука. Научные кадры. – 2016. – № 6. – С. 33-35.
6. Волосюк Е. А. Грамматическое толкование и понимание норм уголовного закона // Общество и право. – 2012. – № 4(41). – С. 137-139.
7. Гаухман Л., Журавлёв М. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 40-47.
8. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: [Учеб. пособие для филол. спец. вузов]. – М.: Высш. школа, 1987
9. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М.: Академия. – 2008. – С. 30-31.
10. Дворников А. А. Квалификация вовлечения несовершеннолетних в несанкционированные митинги // Уголовное право. – 2021. – № 9(133). – С. 20-31.
11. Иванцова Н. В. Законодательная регламентация уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2008. – № 1(1). – С. 89-97.
12. Игнатов А. Н., Красиков Ю. А. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Издательство НОРМА М., 2005.
13. Козаченко И. Я. Язык – душа и совесть уголовного закона // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 2 (247). – С. 109-116.
14. Кострова М. Б. Языковая детерминированность уголовного закона // Сборник материалов научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А. Н. Красикова; 25–26 апреля 2002 г.; Саратов: СГАП; 2002. – С. 64–67.
15. Лавицкий А. А. Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом // Русистика. 2019. Т. 17, № 3. С. 300-314;
16. Лотте Д. С. Как работать над терминологией: основы и методы. М.: Наука, 1968. – 76 с.
17. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Петроград, 1917. – 267 с.
18. Машуш А. А. К вопросу о терминологическом статусе спортивной лексики // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 83 (09). – С. 1–9.

- 19.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 N 1 "О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм"// Официальный сайт ВС РФ.
- 20.Попова Л. В. Лингвистический термин: проблема качества (Опыт составления «Комплексного словаря терминов функциональной грамматики»). М.: Флинта. – 2011. – 198 с.
- 21.Радаева Н.Л. Лингвистические основания толкования уголовного закона и квалификации преступлений. Автореф. дис. ... к.ю.н. Волгоград, 2004. – 30 с.
- 22.Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права. Автореф. дис.... д.ю.н. М., 2013. – 47 с.
- 23.Советское уголовное право. Часть Особенная. М., Юр. лит.,1973.
- 24.Советское уголовное право. Особенная часть. М.: МГУ, 1975.
- 25.Судебная практика по уголовным делам Верховного Суда СССР. –1955.– №1.
- 26.Суперанская А. В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Либроком. – 2012. – 248 с.
- 27.Тарланов З. К. Закон как текст // Русская речь. – 2018. – № 4. – С. 101-107.
- 28.Тихонова С. С., Голованова В.Ф. Стилистические особенности языка уголовного закона // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 2. – С. 207-212.
- 29.Трифонов А.С. Полисемия и синонимия как функциональные параметры термина// Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – 2015. – № 3 (27). – С. 97-102.
- 30.Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М. 2005
- 31.Чеботарева И.В. Об идеальной структуре термина (на примере медицинских терминов)// Научное периодическое издание «Ceteris Paribus» – 2016. – №9. –С.42 – 44.
- 32.Яни П.С. Вопросы толкования закона//Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2012. – № 4. – С. 66.